

восьмой статьи 246 УПК РФ и п. 2 ст. 254 УПК РФ по их конституционно-правовому смыслу в системе норм предполагают, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, и что законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде.

Степанюк А.В.,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета, к.ю.н., доцент

Ченцов С.Д.,

студент Юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета

ПОСЛЕДСТВИЯ АНТИСОЦИАЛЬНЫХ СДЕЛОК И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Какие же сделки можно отнести к антисоциальным? Законодательство прямого ответа на этот вопрос не дает. Термин «антисоциальный» не является новым для понятийного аппарата гражданского права. К примеру, формулировку «антисоциальная сделка» в цивилистику ввел профессор О.А. Красавчиков, обозначив им сделки, совершенные с целью, заведомо противной интересам государства и общества¹. Этот термин «прижился» и активно использовался как в специальной литературе, так и судебной практике советского периода.

В настоящее время исследованию антисоциальных сделок посвящается множество работ (например, Д.М. Генкин «Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону» (М., 1947); Ф. С. Хейфец «Недействительность сделок по российскому гражданскому праву» (М., 2000) и т.д.). Несмотря на дискуссионность понимания отдельных элементов такой сделки, ее понятие раскрывается в литературе в целом единообразно. Однако слово «антисоциальный» ранее использовалось в цивилистической литературе и в ином смысле, к примеру, в XIX в. для характеристики шиканы как злостной формы осуществления права². Я.А. Канторович антисоциальным считал осуществление субъективного права в противоречии

¹ См.: Советское гражданское право: Учебник. В 2-х томах. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1985. – С. 241 (автор главы – О.А. Красавчиков).

² См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: «Статус», 2001. С. 119.

с его социально-хозяйственным назначением¹. Таким образом, антисоциальными назывались различные по своей правовой природе явления, что делало понимание этого слова неустойчивым, зависимым от множества субъективных и объективных факторов.

В настоящее время гражданский оборот, как в России, так и зарубежных странах столкнулся с проблемой активизации деятельности недобросовестных участников, которые для достижения своих целей совершают «мнимые» сделки, инициируют фиктивные банкротства и рейдерские захваты. Такая деятельность несет реальную угрозу стабильности оборота, причиняет исчисляемый миллионами рублей ущерб не только конкретным его участникам, но и государству в целом. С этой точки зрения рассматриваемая деятельность имеет ярко выраженный антисоциальный характер, а потому и в правовой сфере для обозначения ее отдельных проявлений может быть использован единый термин «антисоциальное поведение». Это позволяет конкретизировать объект воздействия гражданско-правового механизма, имеющего целью пресечение и предупреждение социально вредной деятельности участников оборота.

Предполагается, что бороться с антисоциальными явлениями можно, только усилив уголовную и административную ответственность виновных лиц. Однако, как показывает опыт, внесение соответствующих санкций, в частности, в уголовное законодательство, не решило, к примеру, проблему пресечения деятельности фирм-однодневок². Представляется, что именно гражданское право располагает необходимым арсеналом возможностей не только пресекать антисоциальные действия участников оборота, но, прежде всего, предупреждать их совершение.

Поэтому гражданское законодательство должно иметь в виду, более того, активно служить помимо интересов частных интересам публичным, закрепляя важность данной цели в соответствующих статьях кодифицированного закона.

Статья 169 ГК РФ имеет длительную историю в отечественном гражданском законодательстве. Свои истоки она имеет как в дореволюционном, так и в советском законодательстве³. Напомним эволюцию норм об антисоциальной сделке в российском гражданском законодательстве.

Так, И.М. Пютрюмов, обращаясь к практике Правительствующего Сената, выделяет следующее: сделка считается противозаконной, когда она клонится к достижению цели, законом воспрещенной. Если не все содержание сделки, а только отдельные части ее оказываются противными закону, добрым нравам или общественному порядку, то сделка сохраняет

¹ См.: Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1928. С. 69-70.

² См.: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст.7361.

³ См.: Шестакова Н.Д. Недействительность сделок. СПб, 2008. С. 27.

силу в остальных ее частях, они по содержанию сделки не зависят от прочих частей, признанных недействительными. Сделки, признанные недействительными, считаются таковыми со времени их совершения, за исключением того случая, когда причина недействительности наступила лишь впоследствии.

В ч. 1 ст. 1528 Свода законов Российской империи было закреплено требование к договору о том, что его цель не должна противоречить законам, «благочинию», т.е. добрым нравам и публичному порядку, в качестве синонима которого в российском дореволюционном законодательстве использовалось понятие «общественный порядок». В противном случае договоры (в качестве разновидности сделки) рассматривались как ничтожные.

Кроме того, в ч. 1 ст. 1529 Свода законов предусматривалось, что договор недействителен, если «побудительная причина к заключению договора», т.е. истинное намерение, есть достижение цели, законами запрещенной. Следует отметить, что эта статья рассматривалась в российской доктрине как норма публичного порядка¹. В данной статье был приведен примерный перечень запрещенных законом целей, в частности, когда договор «клонится»:

1) к расторжению законного супружества, таковым, например, рассматривалось соглашение супругов о том, чтобы не жить вместе и никогда не требовать сожительства;

2) к «подложному переукреплению» имущества во избежание платежа долгов (под этим понималось отчуждение должником своего имущества в целях избежания уплаты долгов, в частности фиктивная распродажа имущества перед объявлением банкротства);

3) к «лихоимственным изворотам», под которыми понимались сделки, совершенные в обход законодательного запрета на ростовщические сделки;

4) к присвоению частному лицу такого права, которого оно по состоянию своему иметь не может;

5) к вреду государственной казне².

Концепция публичного порядка использовалась и в ст. 88 проекта Гражданского уложения Российской империи, согласно которой недействительными были сделки, противоречащие закону, добрым нравам и публичному порядку.

Практически неизменным осталось рассматриваемое основание недействительности и в проекте русского Гражданского уложения 1905 г., подготовленном Высочайше учрежденной в 1882 г. Редакционной комиссией по составлению Гражданского уложения, которому так и не суждено было стать законом. Статья 94 Проекта устанавливала: «Недействительны сделки, противные закону, добрым нравам или общественному порядку».

С 1917 по 1922 г., в период правового вакуума в регулировании имуще-

¹ См.: Исаченко Г. Гражданский процесс. Т. IV. СПб, 1912. С. 70.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). – Тула: Автограф. С. 225.

ственных отношений в России, допускалось, тем не менее, в соответствии с Декретом о суде № 1 применение законов Российской империи в части, не противоречащей новым декретам и революционному правосознанию. По этой причине возможность применения в конкретном случае норм старого права (в том числе о недействительных сделках) зависела от судьбы.

ГК РСФСР 1922 г. предусматривал, что сделка, «совершенная с целью, противной закону», недействительна. Так, в соответствии со ст. 30 ГК РСФСР 1922 г. недействительной считалась сделка, совершенная с целью, противной закону или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства¹. Этим, согласно мнению большинства исследователей, была установлена недействительность противозаконных сделок².

В качестве единого последствия для таких сделок Кодекс предусматривал взыскание всего полученного от сделки в доход государства.

С принятием ГК РСФСР 1964 г. критериями недействительности сделки по интересующему нас основанию стали интересы государства и общества (ст. 49 указанного ГК). Сохранив конфискационную санкцию за совершение рассматриваемых сделок, данный кодекс, тем не менее, значительно модифицировал условия ее применения.

ГК РФ 1994 г. существенно не изменил описанный подход к регулированию недействительности сделок, получивший выражение в ГК 1964 г. Изменилось лишь основание ничтожности: место «интересов государства и общества» заняли «основы правопорядка и нравственности». Рассмотрим далее непосредственно те правонарушения, которые связаны со сделками, противными основам правопорядка или нравственности, и за которые ст. 169 ГК устанавливает санкцию в виде взыскания в доход государства всего полученного и причитавшегося в возмещение полученного по сделке.

Новый ГК РФ в ст. 169, посвященной по сути антисоциальным сделкам, как их именуют в цивилистической литературе, применил иную терминологию. Нет в статье упоминания об общественном порядке, интересах государства и общества, явном ущербе государственной казне. Все эти составляющие, можно сказать, исторического развития российского гражданского права вылились в словосочетание «основы правопорядка». И судьям, размышляющим о возможностях применения ст. 169 ГК РФ, остается только догадываться, что же в действительности стоит за данным словосочетанием.

До сих пор не решен вопрос о правовой природе санкции по ст. 169 ГК РФ. Некоторые считают, что в данном случае имеет место гражданско-правовая конфискация. Учеными и юристами-практиками высказываются различные мнения об оправданности применения взыскания всего полученного по сделке в доход государства в современных условиях, о выработке альтернативных санкций при совершении таких сделок в зависимости

¹ См.: Об истории развития института антисоциальных сделок в советском законодательстве и науке. гражданское право. См., напр.: Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М., 1999. С. 64-77.

² См.: Вавин Н. Г. Ничтожные сделки. М., 1926. С. 14-15.

от конкретных обстоятельств.

В ст. 169 ГК РФ мы видим, прежде всего, редакционное изменение. Оно состоит в приведении гипотезы статьи в соответствие с её диспозицией. Ранее ст. 169 ГК РФ имела следующее наименование: «Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности», а в содержании было указано «сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна». Таким образом, оставалось непонятным, требуется одновременное нарушение правопорядка или нравственности либо достаточно нарушения одного из них. Содержательная сторона ст. 169 ГК РФ практически не затронута.

По нашему мнению, наличие изменений применительно к ст. 169 ГК РФ, а в особенности применительно к последствиям ее недействительности очевидны и даже «революционны». Однако, к сожалению, практика применения нового положения еще не сформировалась, поэтому мы считаем необходимым продолжить исследование этого вопроса для того, чтобы оценить, насколько эффективными и целесообразными являются нововведения в ГК.

Анализ исторического развития правового института антисоциальных сделок, судебно-арбитражной практики позволяет решить важные проблемы, стоящие сегодня перед законодателем и правоприменителем, в определении круга недействительных сделок, совершенных в нарушение основ правопорядка или нравственности.

Степанюк О.С.,

заведующая кафедрой уголовного права и процесса
Юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета, к.ю.н., доцент

Степанюк А.В.,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета, к.ю.н., доцент

**ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «СОДЕРЖАНИЕ
ПРИТОНА» И «СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ
ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ»
(СТАТЬЯ 232 УК РФ)**

В соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 381-ФЗ «О внесении изменений в статью 232 Уголовного кодекса Российской Федерации» ст. 232 была изложена в новой редакции. Так, в частности, помимо ответственности за организацию либо содержание притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, законодатель установил уголовную ответственность и за систематическое предоставление помещений в этих же целях¹.

¹ См.: Российская газета. 2013, 30 декабря.